

ВЕЛИКИЙ НОВГОРОД В ИСТОРИИ МИРОВОЙ КУЛЬТУРЫ *

Академик М. Н. Тихомиров

По одному названию «Великий Новгород» уже чувствуется, что речь идет о выдающемся городе. На Руси было несколько городов с названием «Новгород» (Нижний Новгород, Новгород-Северский, Новый городок Литовский и др.), но ни к одному из них не применялось название «Великий». В этом наименовании выражалось почтительное отношение к Новгороду не только потому, что он был велик по количеству населения, по обширности занятой территории, по богатству и обстроенности, но и потому, какое он имел значение на Руси.

Время возникновения Новгорода точно неизвестно. Однако русская летопись в записи, относящейся к 859 г., уже упоминает о Новгороде и новгородцах, отождествляя их со словенами, населявшими территорию вокруг озера Ильмень. В Новгородской земле существовало старинное предание, что до возникновения Новгорода в стране ильменских словен стоял город Словенск, а Новый город был построен позднее. Эта легенда нашла свое отражение в известной опере композитора Верстовского «Аскольдова могила», в песне о городе Славянске, поблизости от которого стоял терем некоего злого боярина.

За условную дату возникновения Новгорода можно принять сообщение, записанное под 859 г. в Никоновской летописи ¹, в котором говорится, что словене совместно с другими племенами изгнали варягов и «начаша сами себе владети и города ставити». В этом известии новгородцы отождествляются со словенами («словене, рекше новгородци»). Да и древнейший летописный рассказ, сохранившийся в Новгородской Первой летописи, которую А. А. Шахматов возводит к Начальному своду 1093 г., предшествовавшему «Повести временных лет», гласит, что Рюрик сел княжить «в Новгороде», существовавшем, следовательно, и по легенде о призвании князей раньше прихода варягов. Правда, в Ипатьевской летописи сообщается, что Новгород был построен в 862 г. Рюриком, но доверять такому сообщению невозможно. Это явно позднейшая легенда, связанная с легендой о призвании варягов. Таким образом, одна легенда послужила основой для другой.

Летописное известие о призвании варягов широко использовалось учеными-норманистами и до сих пор имеет распространение среди представителей реакционных кругов зарубежных ученых. Между тем данные советской исторической науки опровергают норманскую теорию возникновения Русского государства.

Норманны появлялись в славянских землях преимущественно с торговыми и грабительскими целями. Это находит свое подтверждение и в новых археологических открытиях. Раскопки, производимые на территории древних поселений восточных славян, говорят об относительно высокой культуре славянских племен. С трудом устанавливаются следы скандинав-

* Расширенный текст доклада, прочитанного в Новгороде на заседании, посвященном празднованию 1100-летия города.

¹ Полное собрание русских летописей. Т. IX, стр. 8.

ских корней в названиях местностей Новгородской земли, где будто бы правили варяжские князья. Названия городов и сел Новгородской и Псковской земель — славянские. Следует отметить и тот факт, что название «Новгород» также чисто русского происхождения. Это — лишнее подтверждение несостоятельности норманской теории и предания о Рюрике как основателе города. Было бы странно думать, что норманны, основывая город в чужой земле, назвали его славянским, а не скандинавским именем. Не только Новгород, но и еще примерно 200 древнейших русских городов имеют славянские названия². И этот поразительный факт упорно замалчивается некоторыми приверженцами устарелых взглядов о начале государства на Руси.

Тема о варяжской легенде — особая тема, но нельзя не отметить ту крайне слабую источниковедческую базу, на которой основаны доказательства достоверности этой легенды.

В наиболее древнем виде рассказ о призвании варягов сохранился в Новгородской Первой летописи, в которой упоминаются новгородские люди («рекомые Словени»), кривичи и меря. В дальнейшем изложении к этим племенам прибавляется чудь. По летописи, каждое из этих племен жило родом своим («кождо своим родом владаше»). В этих словах проводится параллель с тем, что было сказано в той же летописи раньше, в повествовании о начале Русской земли («живяху кождо с родом своим на своих местех и странах, владеюще кождо родом своим»).

По легенде, словене, кривичи, меря и чудь вначале давали дань варягам, но позже восстали и стали враждовать между собою. Легенда сообщает, что после этого те же племена сами обратились к варягам с призывом прислать к ним князей. На призыв откликнулись три брата «с роды своими». Старейший — Рюрик сел в Новгороде, Синеус — в Белоозере, а Трувор — в Изборске. В Новгородской Первой летописи нет упоминания с том, что варяги прозывались «Русью», хотя и говорится, что «от тех варяг, находник тех, прозвашася Русь и от тех слывет Руская земля», без дальнейших объяснений³.

Последние слова о Руси, не объясненные летописцем, вызвали своеобразные комментарии уже в древнее время для объяснения того, кем же была эта «Русь», так как эти слова стояли в явном противоречии со сказанием о начале Русской земли, которое связывало это начало с Кием, Щеком и Хоривом, но не с варягами. Поэтому уже в «Повесть временных лет» введен был комментарий к слову «варяги»: «Идоша за море к варягам к Руси; сие бо ся вваху ти Варязи Русь, яко се друзии зовутца Свее, друзии же Урмане, Англяне, друзии Готе, тако и си». В переводе на современный язык это означает: «Пошли за море к варягам к Руси; ведь те варяги также назывались Русью, как другие зовутся шведами, другие норвежцами, англичанами, другие готами, так и эти».

Вставной характер этой фразы признают А. А. Шахматов и наиболее крупные ученые, изучающие летопись. Новейшее высказывание принадлежит А. Н. Насонову, который отмечает, что эта «вставка, судя по ее смыслу, была вызвана прежде всего желанием включить в число потомков Афета варяжские народы»⁴.

Введение подобного комментария в «Повесть временных лет» объясняется тем, что источники «Повести», видимо, давали разные сведения о том, какие племена обратились к варягам, причисляя к этим племенам и Русь, несмотря на то, что по «Повести временных лет» призванные варяги якобы сами назывались Русью. В самом деле, всюду печатаемые и упорно повторяемые слова, обращенные к варяжским князьям — «реша Русь,

² М. Н. Тихомиров. Древнерусские города. Изд. 2-е. М. 1956, стр. 12—43.

³ «Новгородская летопись старшего и младшего изводов». М.-Л. 1950, стр. 106.

⁴ А. Н. Насонов. Начальные этапы Киевского летописания. Проблемы источникововедения. VII. М. 1959, стр. 451.

Чудь, словени и Кривичи: вся земля наша» и пр., — являются ученой фикцией, вызванной навязчивой идеей о реальности факта призвания варягов. В действительности в древнейших списках летописи, Лаврентьевском и Ипатьевском, сама Русь упоминается вместе с чудью, словенами и кривичами в числе племен, приглашавших варягов, и текст читается таким образом: «реша Русь, Чудь, Словени и Кривичи: наша земля» и пр. То есть варягам «сказали Русь, Чудь, Словены и Кривичи». Тот же текст найдем и в древнейшем датированном списке летописи — кратком летописце патриарха Никифора с русскими статьями, помещенном в Новгородской Кормчей 1280 года.

В дальнейшем Новгородская Первая летопись и «Повесть временных лет» как бы забывают о Рюрике, и причисление Игоря к династии Рюрика оказывается неоправданным. Этим объясняется и несообразная хронология Новгородской летописи и «Повести временных лет», согласно которой рождение Игоря отнесено к 865 году. В силу этой хронологии Игорю в год его смерти (945) исполнилось 80 лет, сын же его Святослав был еще ребенком («детеск сы»). По той же хронологии Ольга, вышедшая замуж за Игоря в 903 году, рождает сына Святослава в 942 году. Защитники легенды о призвании князей никак не хотят обратить внимание на такую странную хронологию, которая скорее напоминает библейский рассказ о бездетной Сарре, чем русскую действительность X века. Выходит, что Ольга родила единственного сына лет 60 от роду.

Таким образом, варяжская легенда не опровергает того, что Новгород возник до 862 г., к которому летопись относит призвание варягов. У нас есть основание сказать, что Новгород с самого начала был русским городом, носил русское название и был центром Словенской, позже Новгородской земли.

Для того, чтобы понять особое значение Новгорода в культуре средневекового мира, необходимо хотя бы в кратких словах сказать о том, какое место он занимает в мировой истории.

Новгород был не только богатым торговым городом, но и центром обширного феодального государства. В этом, может быть, и надо видеть объяснение долговечности Новгородской республики. По обширности своих владений Новгородская республика не имела себе равных во всем мире. Она простиралась от Финского залива до Уральских гор. Непосредственно к Новгороду примыкала также обширная территория, вероятно, уже в XV в. разделенная на пятины. Но центром всех новгородских владений всегда оставался Новгород. И когда столица республики подчинилась московскому великому князю, это означало и подчинение ему всех новгородских владений. Нет и намека на то, чтобы в какой-либо из новгородских областей оказано было сопротивление московскому господству.

Сопоставление Великого Новгорода с «вольными городами» Западной Европы, в частности даже с крупнейшими ганзейскими городами, дает неправильное представление о «Господине Великом Новгороде», как подчеркнуто именовали новгородцы свое государство. И Любек и Бремен даже в периоды своего расцвета обладали лишь незначительной прилегающей к ним территорией и никак не могут сравниться с Новгородской землей (даже без обширного Заволочья). Большими владениями обладали Венеция и Генуя, но подчиненные им территории были разбросаны в разных частях Средиземноморья и сообщались с метрополией морским путем. «Господин Великий Новгород» господствовал над гораздо более обширными пространствами всей северной России, занимая в этом отношении исключительное, выдающееся место в средневековом мире, не имея себе равных.

Здесь не место останавливаться на государственном строе Новгорода, но нельзя не отметить некоторых замечательных его особенностей. Новгородцев обычно рисуют в виде вечевой вольницы: Новгород — это «город воли дикой, город буйных сил». Но город «воли дикой» просуществовал как центр особого государства по крайней мере 500 лет, с конца X в. по конец XV века. Конечно, было бы неправильным называть новгородское устройство «народоправством», как это в свое время сделал Н. И. Костомаров, но столь же неверно полностью игнорировать то особое положение, которое занимали в Новгороде ремесленники и примыкавшие к ним низы городского населения, «черные люди» в целом. Историки, готовые видеть вместо классовой борьбы одну только «централизацию» власти как всеобъемлющий процесс русской истории XIV—XV вв., не замечают того, что вечевые традиции Новгорода опирались на «черных людей». «Мужичи новгородцы», свободные люди, составляли основу новгородского ополчения. Это было «бюргерство» русского средневекового города, а тому, какое большое значение имело бюргерство в средневековых городах Европы, посвящены замечательные страницы в трудах Ф. Энгельса.

Сказанное выше не мешает нам видеть в новгородском устройстве типичные черты средневековой аристократической республики с преобладанием власти бояр-землевладельцев и верхушки купечества совместно с церковными феодалами. Аналогии с другими такими городами, как Новгород, мы находим в Италии. Наиболее близкой к порядкам в Новгороде являлась Флоренция, хотя и здесь имелись большие отличия. Более близкие аналогии дадут славянские города (Котор и др.) на побережье Адриатического моря, в которых собиралось великое и малое «вече»⁵.

Насколько строй «Господина Великого Новгорода» был устойчив, видно из того, что за всю свою историю он не знал попыток создания в нем тиранического режима, восторжествовавшего в ряде итальянских городов.

Прочность и длительность новгородских традиций обеспечили Новгороду сохранение его культурных богатств и их длительное накопление.

Новгороду принадлежит и великая роль в деле отстаивания независимости русского народа. Обычная версия спасения Новгорода и Пскова от татарских погромов путем ссылок на весеннюю распутицу, помешавшую будто бы Батыевым полчищам опустошить Новгородскую землю, является малодостоверной. Кто же помешал бы Батыю дожидаться сухого лета или холодной зимы, сковывавшей новгородские болота и реки? Ведь Батый и его военачальники не принадлежали к скороспелым полководцам и, как показывают другие примеры, умели ждать. Целый год прошел между завоеванием Великих Болгар и татарским нашествием на Рязанскую землю, а непроходимых лесов и болот между Великими Болгарами и Рязанской землей было не меньше, чем в Новгородской земле. Новгород спасен был от разорения не стихиями природы, а мужеством его защитников, так же, как это случилось вскоре после татарских разорений, когда Невская битва 1240 г. и Ледовое побоище 1242 г. защитили Новгород и Псков, защитили остальную Русь от шведских феодалов и немецких рыцарей.

Поразительно обширны и разносторонни были новгородские торговые и культурные связи.

Трудно представить себе другой город, расположение которого было бы так выгодно в средние века, как положение Великого Новгорода. В те времена, когда сухопутные связи имели меньшее значение, чем водные, Новгород бесконечно выигрывал по сравнению с другими русскими городами, так как стоял на стыке пути «из Варяг в Греки» с гигантским Волж-

⁵ И. Синдик. Комунально уредженье Котора. Београд. 1950.

ским путем. Путь «из Варяг в Греки» соединял Балтийское море с Черным, в силу чего Новгород был связан и с Балтийским и с Черным морями. По Волжскому пути можно было добраться до Хвалынского (Каспийского) моря, до древнего Хорезма, центра замечательной среднеазиатской культуры.

Однако одними географическими данными нельзя объяснить рост и значение Новгорода. Ведь географию определяют прежде всего люди. На протяжении многих веков новгородцы представляются нам отважными, смысленными, искусными людьми, смелыми путешественниками, дерзкими в войнах и в дальних странствиях.

Путь «из Варяг в Греки» выводил новгородцев к Константинополю. В эпоху Киевской Руси он шел по рекам Ловати, Западной Двине и по Днепру, с волоками, сухопутными участками, в верховьях этих рек. Позже, когда в приднепровских степях засели татары, новгородцы шли сухопутными дорогами через Литовское великое княжество и достигали Аккермана (Белгорода) на Черном море. Переезд через Черное море был опасным, и новгородские путники нередко жаловались на бури, застигавшие их во время морского путешествия. В Константинополе новгородцы были постоянными гостями, как и другие русские купцы. В этом международном городе средних веков находилась даже особая русская улица с лавками.

Путешествия новгородцев в Царьград и другие земли не были исключительным событием, как показывают вопросы новгородского монаха XII в., запрашивавшего своего епископа о «роте» — клятве, которую давали желавшие идти «в святую землю» — Палестину. Таких пилигримов, видимо, было немало, судя по ответу епископа «та бо, рече, рота губит землю сию»⁶. И образ такого буйного пилигрима, «калики перехожего», встает перед нами, когда мы читаем одну псковскую псалтырь, писец которой, придя в романтическое настроение, записал на полях рукописи о своей затаенной мечте: «а хочу пойти к Царюгороду, а песнь пою». Историки, заявляющие о неучастии Древней Руси в крестовых походах, должны задуматься, читая о клятве, губящей Новгородскую землю. Возможно, речь идет о добровольцах, стекавшихся в Царьград для участия в крестовом походе, а не только для простого паломничества.

Фактории новгородцев находились в южнорусских городах. Об одной из таких факторий мы узнаем по летописной заметке об убийстве в Киеве постригшегося князя Игоря Ольговича (1147 г.). Тело убитого князя было отнесено «в церковь святого Михаила в Новгородскую божницу». Слова о новгородской божнице, то есть о церкви, подчеркивают ее принадлежность новгородцам. Из других источников мы знаем о том, что новгородцы при своих торговых дворах в Юрьеве (Тарту) и в Висби, на острове Готланд, имели особые церкви.

К Новгороду подходил и такой путь мирового значения, как Волжский. Мста и Тверца выводили к богатой Твери, стоявшей при впадении Тверцы в Волгу. Отсюда начиналась широкая речная дорога к Нижнему Новгороду и далее к Астрахани, а от нее по Каспийскому морю и сухим путем в Среднюю Азию, Закавказье и Персию. Эта дорога имела не только большое торговое, но и культурное значение, связывая Новгород с Востоком. Какая громадная роль в торговле отводилась Волжскому пути, видно из ярлыка монгольского хана Менгу-Темира, потребовавшего в середине XIII в. от великого князя Ярослава Ярославича дать открытый («чистый») путь по его владениям для рижских купцов⁷.

Особенно частыми и оживленными были сношения Новгорода с прибалтийскими странами. По Волхову новгородцы добирались до Ладожского озера и Невы, а по ней и по Финскому заливу — в Балтийское море. Таким путем осуществлялась связь со Швецией, Германией и Фландрией.

⁶ С. Смирнов. Древнерусский духовник. М. 1914, стр. 13.

⁷ «Русско-Ливонские Акты», собранные К. Е. Напьерским. СПб. 1863, стр. 14.

Запад получал из Новгорода воск, мед, меха, шкуры, моржовые клыки, лен. В свою очередь, в Новгород завозились различные металлы, оружие и другие товары.

Часто считают, что новгородские купцы вели только пассивную торговлю с Западом, но это неверно. Новгородская торговля с западными странами была очень активна, несмотря на огромную конкуренцию со стороны фландрских и ганзейских городов. Значение Новгорода и других русских городов в торговле Ганзы было настолько велико, что порой крупные события в России служили предметом особых обсуждений на съезде ганзейских городов, как это было в 1381 г., когда ганзейские купцы получили известие о Куликовской битве.

О широте торговых и культурных связей новгородцев можно судить, поставив на карте конечные пункты их путешествий с торговыми целями. На западе это будут Ипр во Фландрии, Любек в Германии, Висби на Готланде, на юго-востоке — Астрахань, на юге — Константинополь, на северо-востоке — Северный Урал. Более отдаленные торговые связи в средние века имела только Венеция. Ганзейские же города ограничивались сравнительно узкими пределами Балтийского и Северного морей.

До наших дней в Новгороде сохранились памятники, которые свидетельствуют о широком международном значении города. На Торговой стороне возвышается церковь Иоанна Предтечи на Опоках, построенная в начале XII века. При ней была создана одна из первых купеческих организаций, возникших в Европе, — «Иванское сто». На знаменитой вечевой площади, на Торговой стороне, стоит церковь Параскевы Пятницы, основанная в XII веке. Она была храмом русских купцов, торговавших с «заморскими странами»: с Швецией, Германией, Англией. Сейчас эта церковь почти рушится и вся в подпорках. Этот исторический памятник необходимо немедленно реставрировать.

Замечательна деятельность новгородцев на севере России. Волхов, Свирь, Онежское озеро и Онега выводили новгородцев к берегам Белого моря и Ледовитого океана. На образном языке русских поморов океан назывался «дышучим морем». Море точно дышало, поднимая и опуская свою могучую грудь в приливах и отливах.

Новгородцы освоили русский Север и заселили его вплоть до Белого моря и океана. К востоку от Белого озера на громадное пространство «за волоком» простиралось «Заволочье», часть которого называли Двинской землей. Сюда шли новгородские переселенцы, здесь захватывали обширные владения новгородские бояре. Житие одного из новгородских «святых» повествует о боярине, покинувшем Новгород и основавшем свой городок на реке Ваге. Глухие, темные леса, болота и дебри не были препятствием для отважных новгородских моряков, бороздивших на своих судах, «кочах», северные моря. Новгородцы были знакомы и с берегами Западной Сибири, где археологи обнаружили следы пребывания русских поселенцев, осевших здесь задолго до завоевания Сибири.

Освоение обширных и пустынных пространств на севере Восточной Европы является несомненной заслугой новгородцев. Они, собственно, и оставили нам первые географические описания европейского севера, не лишенные легендарных черт и сказочных подробностей, до которых были так падки люди всех стран и народов в средние века. Только новгородские летописи и новгородские грамоты дают возможность восстановить картину жизни на севере России в XI—XV веках. Устав 1137 г. новгородского князя Святослава Ольговича — это первый официальный документ, перечисляющий населенные пункты на севере Руси, своеобразный дорожник XII столетия.

Из новгородских летописей мы узнаем и о народах, населявших европейский север. Впоследствии сказания новгородцев вошли в основу известий Сигизмунда Герберштейна о севере России, впервые познакомивших

западноевропейские образованные круги с северными народами. Австрийский путешественник посвятил северу особую главу под названием «Плавание по Ледовитому океану», а также «Указатель пути к Печоре, Югре и к реке Оби»⁸.

Относительно многочисленные «двинские грамоты», как называют обычно документы, составленные в новгородских владениях на Северной Двине, рисуют разностороннюю активность новгородцев. Перед нами раскрывается картина деятельности населения, осваивавшего не только скудные северные земли, но и богатые рыбные ловли, морские угодья со стадами моржей, за которыми устраивалась беспощадная охота. «Дорог рыбьих зуб» — моржовые клыки служили не меньшей приманкой для охотников, чем слоновая кость. Из них делали красивые рукоятки для ножей, как об этом пишет тот же Герберштейн.

Новгороду принадлежит видное место в истории мировой культуры, прежде всего как городу, находившемуся в связи с различными культурными очагами средневековья. Связанный торговыми и культурными отношениями со странами Запада, Востока и Средиземноморья, Новгород сохранил свою собственную культуру.

«Путешествия» западноевропейских авторов в разные страны широко пропагандируются как произведения, впервые давшие сведения об отдаленных землях. Гораздо менее известны, а иногда и совсем неизвестны замечательные географические описания, принадлежавшие русским путешественникам, среди которых видное место занимали новгородцы. Поэтому нелишним будет напомнить хотя бы в кратких словах о такого рода трудах.

Новгородцы оставили для потомства интереснейшие описания Константинополя и его достопримечательностей. «Хождение» в Константинополь, составленное новгородским архиепископом Антонием незадолго до разорения византийской столицы в 1204 г. крестоносцами, — один из замечательных источников по истории Византии. Новгородский паломник с особой тщательностью отметил русские реликвии, попавшие в Константинополь. В соборе св. Софии он увидел большое золотое блюдо княгини Ольги русской; она его взяла, когда ходила в Царьград за данью. Антоний поклонился гробу русского попа Леонтия: «Велик человек, той бо Леонтий трижды в Иерусалим пешь ходил»⁹. Но Антоний отнюдь не замыкается в сфере только русских интересов. Главной темой его «Хождения» является Константинополь со всеми его достопримечательностями. По преимуществу он рассказывает о различного рода царьградских святынях. Этот рассказ ярко отмечен чертами современности. Произведение Антония по праву может считаться одним из самых замечательных описаний Константинополя в средневековое время.

Путешествие в Константинополь было сделано и Стефаном, также новгородцем. Он посетил Константинополь в 1349—1350 гг. и кратко описал его достопримечательности. В рукописях его произведение озаглавлено «От странника Стефанова Новгородца». Название «От странника», возможно, означает то, что из рукописи «странника», иными словами, из описания путешествия Стефана была выписана только часть произведения. Стефан посетил Константинополь не один, а в дружестве «со своим другом осмью»¹⁰, то есть с восемью друзьями.

⁸ Сигизмунд Герберштейн. Записки о Московитских делах (перевод А. И. Маленна). СПб. 1908, стр. 127—133.

⁹ «Путешествие новгородского архиепископа Антония в Царьград» (с предисловием и примечаниями П. Саввантова). СПб. 1872, стб. 14, стб. 142.

¹⁰ М. Н. Сперанский. Из старинной новгородской литературы XIV века. Л. 1934.

Несомненно, новгородскому автору принадлежит уникальное историческое произведение, рассказывающее о взятии Константинополя крестоносцами в 1204 году. Оно внесено под этим годом в Новгородскую Первую летопись и носит все черты сочинения, написанного очевидцем. Заканчивается сказание о взятии Константинополя крестоносцами такими многозначительными словами: и так погибло царство богохранимого Константина града и земля Греческая в ссоре императоров, которой обладают фряги¹¹.

Крупнейшее историческое значение имеют новгородские произведения, относящиеся к истории народов, населявших европейский север. Уже в «Повести временных лет» находим полулегендарные рассказы о народах «в полуночных странах». Сведения о Югре и Самояди записаны со слов Гюряты Роговича Новгородца. Со слов жителей Ладоги — ладожан — в «Повесть временных лет» внесен рассказ о стеклянных «глазках», которые будто бы падают из туч и которые иногда выплескивает река Волхов¹².

В Новгородской летописи разбросаны известия о народах европейского севера, и это почти единственный источник по истории северных народов в средние века. Среди них особый интерес имеют те сведения, которые сообщает новгородский архиепископ Василий в своем послании о рае (XIV в.). Возражая тем, кто доказывал, что рай будет не вещественным, а мысленным, Василий ссылается на рассказ Моислава Новгородца: И то место святого рая находил Моислав Новгородец и сын его Яков, и всех их было три судна («юма»), одно из них погибло, много блуждав. Два других судна долго носило по морю ветром и принесло к высоким горам. За этими-то горами и находился земной рай. В доказательство этого новгородский владыка сообщает еще ряд подробностей, оставив тем самым любопытнейшее и одно из древнейших описаний плавания по Ледовитому океану¹³.

Новгород сохранил древнейшие памятники русской письменности. Этому способствовало то, что Новгородская земля избежала татарского завоевания. Были пожары и другие бедствия, однако Новгород не знал разорения вплоть до шведской оккупации 1611 года. Благодаря этому Новгород сохранил большее количество рукописей, чем какой-либо другой из русских городов. Долгое время он был тем резервуаром, из которого черпали рукописные сокровища создатели библиотек и рукописных собраний. Одним из таких неутомимых книжных собирателей был знаменитый патриарх Никон. Новгородские рукописи легли в основу Воскресенского собрания рукописей, хранящегося сейчас в Историческом музее, а некогда принадлежавшего Воскресенскому Новоиерусалимскому монастырю под Москвой, основанному Никоном. Патриаршее, или Синодальное, собрание рукописей того же музея в своей основе имеет многие книги новгородского происхождения.

Собирание и хранение рукописей производились при «доме св. Софии», как назывался в Новгороде весь политический и хозяйственный комплекс, подчиненный новгородскому «владыке» — архиепископу. Собирали рукописи монастыри и церкви, князья и бояре.

Тема о новгородской письменности настолько обширная, что не уложилась бы не только в статью, но и в книгу. Поэтому ограничимся только краткими замечаниями.

Древнейшая русская рукопись с датой — известное «Остромирово

¹¹ См. «Новгородская летопись старшего и младшего изводов», стр. 46—49.

¹² «Летопись по Ипатскому списку». СПб. 1871, стр. 163, 199.

¹³ Полное собрание русских летописей. Т. VII, стр. 212—214.

евангелие» было написано в 1057 г. по приказанию новгородского посадника Остромира; писцом был Григорий-диакон. Это прекрасный образец роскошной русской рукописи XI столетия.

Древнейшая русская грамота, дошедшая до нашего времени в подлиннике, тоже новгородского происхождения. Это грамота князя Мстислава Владимировича, данная им Юрьеву монастырю под Новгородом около 1130 года. Также и древнейший частный акт, вкладная Варлаама Хутынского конца XII в., — новгородского происхождения.

Велики заслуги Новгорода в деле сохранения памятников русского летописания. Два древнейших списка русской летописи написаны в Новгороде.

«Краткий летописец» патриарха Никифора с русскими статьями помещен в громадной рукописной Кормчей, составленной в 1280 г. по приказанию новгородского князя Дмитрия Александровича и на средства новгородского архиепископа Климента: «Повелением благоверного князя новгородского Дмитрия и стяжанием боголюбиваго архиепископа новгородского Климента»¹⁴.

Новгородская летопись по Синодальному списку написана в XIII—XIV веках. Это древнейшие списки летописей, не говоря уже о позднейших. Такой интерес новгородцев к старине способствовал тому, что именно Новгород сохранил потомству Начальный свод 1093 г., о котором говорилось выше.

Список древнейших русских памятников громадного исторического значения можно продолжить и дальше. Древнейший список пространной редакции «Русской Правды» сохранился в той же Новгородской Кормчей 1280 г., как и единственный список упомянутого раньше Устава Святослава Ольговича. Оба уникальных списка краткой редакции «Русской Правды» также новгородского происхождения. Они сохранились в списках середины XV в. в составе Новгородской летописи.

Даже древнейший книжный переплет, восходящий к XII в., был сделан для новгородского князя Мстислава Владимировича. Он украшает не менее замечательную рукопись, которую обычно называют «Мстиславовым евангелием». Она хранится в настоящее время в Историческом музее в Москве.

Среди новгородских рукописей следует отметить и замечательный юридический сборник XIV в., известный под названием Пушкинского. В него включены произведения, являвшиеся юридическими пособиями в Древней Руси: «Русская Правда», пространная редакция «Закона Судного людем», договор Смоленска с Ригой 1227 года. В договоре имеется «Правда» — свод судебных постановлений, которыми руководились при разбирательстве судебных дел, относящихся к русским и чужеземным купцам в Смоленске. «Закон Судный людем» в его пространной редакции, наиболее древний список которого помещен в названном сборнике, — сам по себе интереснейший памятник русской юридической мысли¹⁵.

С большим вероятием можно предполагать, что и шедевр русской древней поэзии, «Слово о полку Игореве», дошел до нас при посредстве новгородского или псковского списка. В частности, как отметил Д. С. Лихачев, на это указывает то обстоятельство, что заглавие летописи, помещенной в том сборнике, где находилось «Слово о полку Игореве», имеет полное сходство с заглавием Новгородской Первой летописи.

Обилие самых разнообразных произведений, дошедших до нашего времени при посредстве Великого Новгорода, объясняется не только особыми условиями для сохранности произведений письменности и искусства

¹⁴ «Русские достопамятности, издаваемые Обществом Истории и Древностей Российских, учрежденном при Имп. Московском Университете». Часть первая. М. 1815, стр. 19.

¹⁵ «Русские достопамятности...». Часть вторая. М. 1843.

в Новгородской земле по сравнению с другими русскими землями, за исключением Псковской, но и тем, что новгородцы выделялись своей относительной образованностью. Об этом свидетельствуют надписи, «граффити», нацарапанные острыми орудиями на стенах новгородских церквей. Их делали грамотные люди, а таких было немало среди новгородских купцов и ремесленников, которым грамотность в некоторых случаях была необходима.

Еще красноречивее об этом говорят берестяные грамоты, открытые в Новгороде экспедицией А. В. Арциховского. Это открытие имеет выдающееся значение вообще для истории мировой письменности. Новгородские берестяные грамоты как исторический источник могут быть сравнены только с египетскими папирусами.

Новгород сохранил и передал по наследству будущим поколениям и громадную литературу церковного и гражданского характера, переведенную на Руси с греческого языка. Значение этой литературы не вполне еще осознано, и к ней нередко относятся с пренебрежением, как к заимствованным произведениям письменности. Между тем греческие произведения, переведенные на русский язык в Древней Руси, порой имеют самостоятельное значение, так как их греческие подлинники утеряны. Кроме того, не исключена возможность, что переводы делались с более ранних редакций и более ранних рукописей, чем известные нам греческие подлинники.

Ни один историк мировой культуры, говоря о средневековом искусстве и письменности, не может пройти мимо Новгорода, не упомянув о его замечательных памятниках.

Прикладное искусство Новгорода, его «сионы» и братины, его замечательные иконы, церковные врата и т. д. описаны и изучены в работах Б. А. Рыбакова и других исследователей. В последние годы появились многочисленные труды В. Н. Лазарева о живописи Новгорода. Здесь остается только кратко упомянуть о замечательном новгородском искусстве, жизнерадостном и животворящем вплоть до нашего времени.

Крайне интересны те особенности, которые Новгород внес в живопись и архитектуру. Как уже говорилось выше, Новгород имел большие связи с Византией. Несомненно, что многое в новгородской архитектуре и живописи было заимствовано из Византии, которая хранила замечательные традиции эллинистического мира. Церкви в Новгороде по своей архитектуре близки к постройкам Византийской империи. Отмечают и некоторую связь архитектуры Новгорода с постройками в Армении и Грузии. Однако в новгородских сооружениях нет слепого копирования тех или иных византийских сооружений. Чувствуется какая-то северорусская строгость в архитектуре, например собора св. Софии в Новгороде, в его куполах, напоминающих тяжелые шлемы воинов, в простоте гладких монументальных стен, во всем облике этого замечательного сооружения XI в., ставшего символом новгородской независимости: «Где святая София, тут и Новгород». И архитектура других новгородских церквей типично русская.

В то же время нельзя сомневаться в том, к какому культурному миру относятся новгородские архитектурные памятники. Связь с Константинополем позволила новгородцам использовать лучшие традиции эллинистического мира, охватывавшего некогда обширные территории Передней Азии. И сочетание византийских и русских элементов дало поразительные результаты. Невозможно не любоваться новгородскими церквями XII—XIV веков. Но не только византийские традиции перерабатывались на новгородской почве. В XIV—XV вв. в новгородской архитектуре и живописи все сильнее сказывались связи с Западной Европой. Свидетельством этого служит Грановитая палата в Кремле, построенная в XV веке. Она укра-

шена по образцу западноевропейских горниц сводами готического стиля, но эти украшения также переработаны в собственном, новгородском духе.

Архитектура и живопись Новгорода — замечательное достояние общечеловеческой культуры. Теперь, после варварского разрушения новгородских памятников гитлеровскими полчищами, только с трудом можно представить себе почти тысячелетнюю красоту Софии с ее древним иконостасом и росписью. Фашистский снаряд разрушил знаменитую фреску в куполе с изображением Спасителя. Он держал зажатую руку вместо благословляющей, и старая легенда предвещала, что когда рука разогнется, тогда погибнет и Новгород. Изуродована церковь Спаса Нередицы — подлинная жемчужина мирового и русского искусства XII столетия. Целиком погибла церковь на Волотове с ее фресками XIV века. Как раз в ее погибших фресках, может быть, лучше, чем в каких-либо других новгородских росписях, сохранялись наивные и в то же время глубоко трогательные черты своеобразной новгородской культуры. Тут и трубящий ангел, и святые, и совсем уже апокрифический сюжет: сытые монахи пируют и не обращают внимания на стоящего сбоку нищего, а в образе нищего стоит сам Христос и взирает на веселую братию, отрекшуюся от мира, но не от чарки пенистого вина.

Уже одни только сохранившиеся памятники архитектуры и живописи обеспечивают Новгороду почетное место в мировой культуре. Теперь эти великие памятники искусства бережно восстанавливаются и охраняются.

Сохранению памятников древности способствовали удивительная живучесть новгородских традиций, забота о сединой старине своего города. Вот один из примеров такого уважения новгородцев к традициям прошлого. Новгородский митрополит Никон в 1649 г. поссорился с жителями города из-за своего намерения расширить собор св. Софии, сломав внутри его какие-то «столпы». Дело дошло до открытого выступления в защиту св. Софии, и крутой Никон вынужден был уступить. Св. София была сохранена в старом виде.

Велико значение Новгорода в мировой культуре, и новгородцы вправе гордиться своим городом.

Страшные разорения испытал Новгород во время занятия его фашистскими варварами. Теперь эти раны, нанесенные старому городу, залечены. На месте пепелищ и развалин вырос красивый город, в котором чтят и берегут старинные памятники и в то же время возводят новые дома, улицы и парки. Восстановление Новгорода стало возможным лишь благодаря огромной помощи Коммунистической партии и Советского правительства, благодаря самоотверженному труду советского народа.
